

Страж для невезучей леди

Автор:

Татьяна Новикова

Страж для невезучей леди

Татьяна Новикова

Я спасла его от смерти, и за это он вложил в мои руки свою жизнь. Опасный. Пугающий. Непокорный. Его тело исписано шрамами, а душа кровоточит. Я не должна была заключать с ним этот договор. Не должна была становиться его хозяйкой. Но обратного пути нет.

Я совершила ошибку, когда полюбила своего стража.

Татьяна Новикова

Страж для невезучей леди

Глава 1

– Я хочу купить мужчину, которого привезли сегодня.

Сказав это, я глубоко покраснела и зажмурилась. В моей голове фраза звучала лучше. Жестче. Властнее.

Подразумевалось, что я приказываю. Но получилась жалкая просьба.

Вдох-выдох.

Управляющий откинулся на стуле, покачался на ножках взад-вперед. Седовласый, бородатый, он напоминал мне старичка-церковника, только вот глаза его горели алчным огнем.

– Номер триста четыре? Сдался он вам? – мягко спросил, перебирая бумаги на людей, которые недавно поступили в Дом скорби. – Найдите себе кого-нибудь другого. Рынки переполнены рабами на любой вкус.

Не нужно меня отговаривать.

Я всё для себя решила.

Сцепила ладони в замок. Уставилась на свои ногти и повторила громче:

– Я хочу купить конкретного мужчину. Назовите цену.

Откуда управляющему знать, сколько связывает меня с тем человеком? Что встретились мы в заброшенных шахтах. Что мужчина этот пытался меня убить, но после спас, пожертвовав собою.

Зато я знала.

И когда после лечебницы его за ненадобностью отправили в Дом скорби, я со всей четкостью осознала: надо что-то делать.

Срочно.

Оттуда никто не возвращается.

Я не могла позволить, чтобы его выслали на рудники или уморили голодом на каторжных работах.

– Вы выбираете человека с темным прошлым. Человека, который не поддается дрессировке. Он опасен. Вы видели его шрамы? Понимаете, что они означают?

– Понимаю, – ответила хрипло. – Меня это не волнует. Мне нужен личный страж, и нет кандидатуры лучше, чем... номер триста четыре.

– Любопытно. Вы небогаты. – Управляющий мазнул взглядом по моему брючному костюму, по стянутым в хвост волосам, по отсутствию макияжа. – Что вы можете мне предложить? Этот мужчина силен, из него можно сделать достойного рабочего. В Доме скорби пригодился бы такой экземпляр. Как вы знаете, у нас не принято перепродавать людей.

Ха, как быстро он переиграл свою позицию. От «да сдался он тебе» до «вообще-то нам самим нужен».

Понятно, набивает цену, пытается содрать побольше с дурака, которая захотела купить человека будто какую-то вещь.

Будь спокойна. Всё получится.

– Скажите, что хотите взамен, и я расшибусь в лепешку, но выплачу нужную сумму до монеты.

– Выплатите, значит... – проговорил задумчиво. – Допустим, я согласен обменять раба на вот это.

Управляющий указал на вырез моей рубашки.

Я вышла из кабинета и тронула пальцами шею. Передернулась. Глаза наполнились влагой – без моего на то желания. В носу предательски защипало.

Терпи.

Ты же не мелкая плакса, ты же сильная.

Ты знала, на что шла.

Управляющий вышел следом, насвистывая и улыбаясь мне так открыто, будто мы были лучшими друзьями.

- Пройдемте, мисс Трозз, - он поманил за собой.

Мы двигались по узким коридорам. Я старалась идти прямо. Не горбиться. Не морщить лоб. Быть настоящей леди. Вышли на улицу, и осенний ветер мазнул по лицу, утирая слезы.

- Подождите меня тут, - сказал управляющий перед бараком, что вытянулся длинной змеей по неухоженной территории Дома скорби. За внешней оболочкой, за каменными стенами и коврами - пусть истертыми - скрывались вот такие дома. Деревянные, сколоченные наспех. Шаткие.

Где вынуждены были существовать люди, у которых не осталось надежды на спасение.

Дома скорби строили, дабы приютить «всех обездоленных», как говорили церковники. Бродягам рассказывали о том, как много здесь еды и как мало работы.

Многие соглашались.

Так они подписывали вечный договор, после которого теряли свободу. Их тела и души, все они целиком, отныне принадлежали Домам.

- Я приведу ваше приобретение. - Управляющий попытался протиснуться в дверь, но я выставила ногу и зашла следом.

Передо мной предстало жуткое зрелище. Здесь не было даже лежанок. Накиданное поверх гнилого пола тряпье смердело. Под потолком вились мухи.

Люди лежали разве что не кучей, грелись друг о друга изнеможенными телами. Женщины и мужчины, старики и подростки. Все они ютились в ограниченном пространстве, в грязи.

«Как можно терпеть подобную несправедливость?» – промелькнула мысль, полная ужаса.

Но затем я увидела его. Того, за кем пришла этим утром. Того, о ком думала все прошлые ночи, мучимая кошмарами. Он сидел в углу, словно отдельно от всего мира. Прямой, точно проглотивший прут. Хмурый. Сведенные брови и поджатые губы. Глаза, в которых нет ни единой эмоции. Пустота. Темная бездна, полная демонов.

Железный ошейник, сдавливающий шею, казался огромным.

– Триста четвертый! – громогласно прокричал управляющий. – Тебе повезло, тебя выкупила добрая девушка. Теперь у тебя есть хозяйка!

Мужчина вскинул голову. Медленно, словно не веря своим ушам, взглянул на своё запястье. Его бровь удивленно выгнулась, но затем он разглядел меня за спиной управляющего и поднялся на ноги. Безо всякой уверенности. С сомнением, которое читалось на его лице.

Мы молчали. Пока шли по двору, пока за нами закрывались ворота. Пока шагали по мостовой, никуда конкретно не направляясь.

Я не знала, что ему сказать.

«Да, я спасла тебя».

«Не нужно благодарности».

«Так вышло, не злись».

Эти фразы крутились в голове, но казались незначительными и глупыми. Во рту пересохло. Мужчина, идущий так близко, что я могла при желании «случайно» коснуться его рукой, молчал. Но это молчание было оглушительно громким. Осуждающим.

Ему жала короткая рубашка грязно-серого цвета, выданная в Доме скорби, и он раздраженно оттягивал тугой воротник. Осматривался по сторонам с плохо

скрытой опаской. Не спешил начать разговор. Я видела, что на его запястье выжгли порядковый номер, и кожа вздулась сплошным ожогом.

Должно быть, это безумно больно.

Я не успела прийти раньше...

Внезапно мой спутник остановился. Застыл, точно наткнулся на невидимую стену. Он ничего не сказал, но посмотрел на меня так, будто ударил наотмашь.

Холодно. Раздраженно.

В его взгляде читалось: «Я никогда не подчинюсь тебе, девчонка».

Кажется, мне достался самый непокорный на свете личный страж.

Глава 2

ДВУМЯ НЕДЕЛЯМИ РАНЕЕ

Говорили мне не ходить в эти шахты. Нет, не послушала. Уперлась лбом и двинула одна. Самостоятельная же. Взрослая.

Ну-ну.

Пропадают люди? Да и пусть! Целый лабиринт, путаный, заколдованный, опасный? Ничего. Я же поисковый маг, настоящий следопыт. Что мне какие-то предостережения?

Неспроста ребята-поисковики не пошли со мной. Знали, что в этих местах заблудиться и сгнуться – раз плюнуть. Повсюду натыканы магические ловушки. Старые, набухшие за сотни лет, а потому особенно опасные. Такие сработают – никакие защитные коконы не помогут.

Я продвигалась медленно, выверяя каждый шаг. Третьи сутки бродила по катакомбам, понимая, что теряюсь. Составленная мною карта путалась. Такое чувство, что я была на всех развилках, а мои насечки стерла какая-то хитрая магия, которой насквозь пропитаны туннели.

Но я не привыкла сдаваться.

Нетушки.

Уверена, тут запрятаны какие-нибудь древние артефакты... или золото...

Местные говорили, что Забытые шахты прокляты божествами. Многочисленные поисковые отряды возвращались с пустыми руками. Одиночные поисковики либо терялись, либо напарывались на ловушки.

А я вообще выпускница гимназии; желторотая птаха, как говорят в гильдии.

Мне противопоказано лезть в такие места. Но чутье подсказывало: надо идти.

Хорошо, хоть вода тут в неограниченных количествах – шахты затопило подземными реками, смыло переходы, завалило камнепадом. От жажды не умру, а остальное – мелочи.

На развилке я поставила очередную засечку и прикрыла веки. Ну же, чутье. Куда дальше?

Чутье гаденько молчало.

Куда же?..

Внутри зачесалось слабое предчувствие: туда.

Я выставила вперед заколдованный факел, и зеленое пламя высветило темноту очередного коридора. Сто пятнадцать шагов прямо. Поворот направо. Еще двенадцать шагов. Налево. Сто семьдесят шесть шагов. Направо и...

Река разрезала сушу надвое. Метра три шириной, бурная, скачущая по камням.

Ох, бесы!

Надо или искать обходной путь, или переплыть её. С той стороны виднелось несколько ответвлений.

«Туда», – повторило чутье злее.

Я плотнее зацепила походную сумку за плечами и ступила в воду. Брр.

Так, не сомневаться. Устрою привал, обсушусь.

Главное – доплыть.

Руки обожгло холодом от первого гребка. Вдох-выдох. Одежда разом намочила, начав тянуть на дно. Я выровняла дыхание, взяла нужный темп.

А затем нога зацепилась за камень, и меня понесло в сторону. На секунду вода скрыла с головой.

Мамочки!

От ужаса я распахнула глаза и уставилась на дно, такое близкое, что можно дотянуться и не утопнуть.

Внизу что-то отчетливо блестело. Ярко. Сильно. Перебиваясь сквозь течение и песчаную муть.

Какое-то украшение. Магическое, иначе бы от него не исходило столь яркое золотистое свечение.

Не может быть. Моё сердце забилося чаще. Страх перед рекой был позабыт, стерт воспоминанием об увиденном сокровище.

Пятки нащупали илистое дно. Я оттолкнулась, выгребла наружу и, немного отдышавшись, нырнула обратно.

Задержав воздух, махнула вниз. Частыми гребками, взрезая воду. Противясь течению.

Ха! Диадема. Магическая. Полная сияющих камней. Тончайшей работы.

Пальцы нащупали металл, и я дернула застрявшее меж камней украшение на себя.

Есть!

Вынырнула и жадно глотала воздух, не позволяя себе расслабиться. Все-таки пловец из меня плохенький.

Я вылезла на сушу и только хотела рассмотреть добычу, как...

Тень бросилась со спины. Вначале я уловила движение воздуха, а когда оглянулась – она была недопустимо близко. Человек навис надо мной. Кто-то слишком большой, чтобы противостоять ему.

Он схватил меня одной рукой за горло и потянул в воду. Легко, как пушинку. Сомнений быть не могло – утопит. Из последних сил я развернулась. Диадема со звяканьем покатила по земле.

Мужчина.

Полуобнаженный, в одних лишь потрепанных штанах. Заросший до самых щек. Непонятно, молодой или старый. Опасный. Пугающий. Беспощадный.

– Вода требует жертву, и она её получит... – произнес одними губами, монотонно, словно зачитывал проповедь.

Он смотрел на меня пустым взглядом.

На бледном лице не читалось ни единой эмоции, пока ладонь сжимала моё горло.

Каждый удар сердца всё четче отдавался в висках.

В глазах помутнело.

– Пожалуйста... – захрипела я, пытаюсь скинуть кольцо пальцев.

Мой голос в тишине катакомб отдался оглушительным эхом. Мужчина вздрогнул. Хватка ослабла. Пальцы расцепились медленно, один за другим. Взгляд потяжелел, и из него исчезла отрешенность. Появилось что-то отчаянное.

Живое.

– Уходи.

Одинокое слово не прозвучало, а пророкотало, пеня воду, призывая ветра. Земля задрожала под моими ногами.

Клянусь, этот человек заставил стихии подчиниться ему, сплел ветра в разрушительный смерч, и тот нарастал за моей спиной.

Уходи?..

Мне не нужно предлагать дважды.

Нагнувшись, я проскочила мимо замершего мужчины и, помедлив, сцапала диадему, отточенным движением закрепила её за ремешок на поясе.

Не знаю, кто этот человек. Не знаю, что в его голове. Но он сохранил мне жизнь. Сохранил после того, как сам чуть не отнял её.

– Вода требует жертву, и она её получит, – повторил тверже.

А затем мужчина ступил прямым в клокочущие волны. Застыл на месте. Спина ко мне. Я мельком разглядела, что тело его – и спина, и живот, и грудь – исполосовано рунами, что были высечены на коже.

Кто он такой?..

Стихия не умолкала. Нарастала. Вдалеке сыпались камни, заваливая проходы. Камень над моею головой покрылся трещинами, грозя вот-вот обвалиться на голову.

Мужчина безвольно упал, и течение приняло его в свои объятия, завертело, не позволяя вырваться. Да он и не пытался.

Боги! Он же утонет!

Что делать?!

Интуиция вопила, ощерившись: уноси ноги, спасайся, пока цела. Убегай обратно и молись, что выберешься до того, как на тебя обвалятся своды.

Да к бесам эту интуицию!

Я вновь сбросила сумку и нырнула обратно в ледяную воду.

– Держись... – проскрежетала, обнимая мужчину за талию одной рукой, а второй пытаюсь выгрести на берег.

Кажется, он был без сознания.

Даже не знаю, к сожалению или счастью.

Меня перевернуло в воде. Спина ударила о лежащий булыжник. Дыхание выбило, перед глазами заплескали разноцветные пятна. Бурный поток нес вперед, и я понимала, что не способна противиться ему.

Несколько минут казались вечностью. Из последних сил я удерживала нас на поверхности воды.

Шансов на спасение нет. Отсюда не выбраться живьем.

Нужно срочно вспоминать все известные мне молитвы.

О, всевидящая, даруй...

Боги, что это?!

Несколько секунд перед глазами виднелась только пустота, словно оборвались и вода, и берега. А затем река сорвалась вниз. Я не успела перегруппироваться, не успела зацепиться за очередной камень, только увернулась от него.

С трудом подавила вскрик и зажмурилась.

Мгновение.

Водопад, закружив нас в демоническом танце, сбросил с высоты.

В легких не осталось воздуха, их точно наполнило до краев жидкостью. Глаза щипало.

Если я отцеплюсь от мужчины, то смогу всплыть. Нужно всего лишь разжать хватку.

Он ведь собирался прикончить меня.

Но почему-то я барахталась, держа его за шиворот. Губя обоих своей дурацкой принципиальностью. Стиснув зубы, задыхаясь.

Поток поднялся вверх, и, воспользовавшись единственной возможностью, я начала отчаянно грести.

Мне кажется, река смиловалась над идиоткой, которая потратила остаток сил на то, чтобы плыть незнамо куда. Потому что нас попросту выбросило на берег. Кинуло о песок, и правое бедро налилось ошеломительной болью.

- Твою мать... - зашипела я, откашливаясь, лелея отбитый бок.

Это были не шахты. Лес. Густой, зеленый. Темный, не позволяющий солнечным лучам нарушить вековой покой здешних крон.

Лес!

Мы выбрались. Спаслись!

Не может быть...

Я долго лежала, не в силах подняться на ноги.

Так, нужно прийти в себя и осмотреться. Не время страдать.

Мужчина не дышал. Он казался неживым. Холодный. Губы белесые. Только вены такие яркие, синие, словно перепутье ручьев на бледной коже.

- Очнись! - Приложила ладонь к его груди, чуть надавила. - Ну же! Давай!

Худощавый, почти тощий. Кожа иссечена непонятными рунами, что выпирают вздутыми шрамами. Черты лица настолько острые, что тронешь - порежешься.

Кто он такой?..

Выживет ли? Смогу ли выторговать его у смерти?

Вроде всё-таки дышит, если долго-долго вслушиваться или пальцами сжимать пульс.

Сердце глухо, но бьется.

В те минуты всё потеряло значение. Кроме незнакомца, который пытался меня убить, а теперь погибает сам.

Откуда он взялся? Почему напал на меня?

Почему вместо того, чтобы уйти, я сижу над ним и трясусь от бессилия?..

Мужчина бездыханно лежал всё то время, пока я приходила в чувство. Мне пришлось ещё раз склониться к его груди, чтобы убедиться: дышит.

Это хорошо.

Сдам его лекарям, пусть решают, как быть.

Я рассматривала его, пользуясь возможностью. Истощенное худощавое тело, такое бледное, словно десятилетиями не знавшее солнца. Штаны, скорее похожие на истлевшую тряпку. Длинные волосы, почти до плеч, спутанные, грязные. Борода такая же неопрятная.

Кто он? Что делал в шахтах? Как долго скитался в них? Тоже охотился за драгоценностями?

А что означает эта фраза: «Вода требует жертву, и она её получит»?

Он собирался утопить меня, чтобы принести эту жертву? А потом передумал и... что?.. Решил погибнуть? Зачем?

Сумка с вещами где-то в шахтах. Я осталась без припасов, снадобий и амулетов. Зато золотая диадема тончайшей работы переливалась, сияла магией. Такой мощной, что даже представить не могу, какая сила в ней содержится.

Но вроде магия эта заложена внутри, и она не выплеснется как ловушка. Я могу трогать металл. Чутье молчит.

Даже примерила, но диадема так плотно сдавила голову, что моментально сняла. Интересно, кому она принадлежала? И почему оказалась в заброшенных шахтах?

Ребята сгрызут все ногти, когда увидят, что я притащила с первой самостоятельной вылазки.

Жаль, карты не сохранилось. По памяти не вспомню, куда брела.

Я немного передохнула, отломала ветвь потолще, чтобы использовать вместо трости. Земля здесь бывает вязкая. Не заметишь, как утопнешь.

Надо идти по течению. Вроде бы ближайшая деревня находилась ниже по реке в часе неторопливой езды на лошади. Пешком – больше, но выбора-то нет.

Значит, мне туда?..

Я задумалась. Налегке и в одиночку дошла бы часа за три или четыре. Но о каком "налегке" может идти речь? Тело ныло, синяки наливались чернотой. Усталость стискивала виски головной болью.

Да ещё и человек этот...

Ладно, пройду, сколько смогу. Остановлюсь на привал. А там посмотрим.

Замотав диадему в рубашку – чтобы никто нечаянно не рассмотрел, какую роскошь тащит поисковик, – я взвалила бездыханного мужчину на плечи. Он весил, казалось, целую тонну. Но бросать его нельзя.

Теперь я просто обязана доставить этого человека целителям. Пусть разузнают, кто он и откуда взялся.

... Я сплю, но отчетливо слышу чье-то дыхание над ухом, что дробит удары сердца. Оно громкое и принадлежит моему спутнику.

Он рядом. Так близко, что может вновь сомкнуть пальцы на шее. Я беззащитна и даже не могу проснуться. Тело обмякло, точно под усыпляющими чарами, сознание путается.

- Уходи, - шепчет он обреченно. - Убирайся отсюда. Ты совершаешь ошибку...

Я подскочила от липкого ужаса, что взгрызался под лопатки.

- Не трогай меня! - крикнула в темноту, пытаюсь отпихнуть невидимого врага руками.

Мужчина лежал в той самой позе, в которой я его оставила.

Всего лишь сон.

...Мы вышли к деревне спустя сутки. Ну, как вышли. Вышла я, потому что мужчина так и не пришел в сознание. Он дышал, натужно, тяжело, хрипло, словно каждый вдох давался ему с болью. Но за всё это время так и не открыл глаз.

Я боялась спать рядом с ним - вдруг проснется и все-таки задушит, - но когда совсем стемнело, и идти стало невозможно, плюнула.

Будь что будет.

Надеюсь, он не умрет от переохлаждения. Вроде не должен. Ночи в этих краях жаркие, душные.

Лишь близость к воде и спасает.

Целые сутки я провела наедине с самой собой. Мне казалось, что шахты были в какой-то другой жизни. Невероятно давно. Чем закончилась моя первая вылазка? Почему я такая неудачница, что даже диадему не смогла достать без балласта?..

Ноги сбила в кровь, поясница отваливалась. Я всё чаще замирала без движения, чтобы отдышаться. Живот сводило от голода.

Но потом лес сменился полями, на которых покачивали головами ярко-желтые подсолнечники. Огни деревеньки показались, когда солнце стало клониться к горизонту.

Повезло, что я ночевала в ней перед тем, как отбыть в Забытые шахты. Местные помнили меня, а потому я остановилась у той же женщины, у которой жила до этого. Она накормила меня, выслушала жалостливую историю. Без единого сомнения пустила на сеновал.

– Все мои вещи остались в туннелях. Мне нечем отплатить вам, но я попрошу выслать деньги, как только вернусь в город.

– Да спи уже, горемычная, – вздохнула хозяйка, пухлощекая, добродушная, с которой совсем недавно мы обсуждали кавалеров и гимназию. – Жива, и на том спасибо. Наши с утра едут в Хорхелл. Подкинут тебя с твоей... добычей, – она осмотрела мужчину цепким взглядом. – Вот им и заплатишь за помощь. А мне-то соломы не жалко.

Разумеется, я не сказала всей правды. Не сказала, откуда этот человек взялся и что он хотел сотворить.

Пусть думает, что просто нашла путника без чувств.

Всё равно в себя он не приходит.

Возможно, и не придет...

Глава 3

Повозка прибыла в Хорхелл к полудню. Деревенские мужички, которые пили всю дорогу и горланили неприличные песни, подвезли меня прямо к лечебнице. Ну а там моё появление ввело врачей в шок. Девушка, а на плечах у нее

бездыханное тело.

Получите, распишитесь.

Тотчас был приглашен инспектор гильдии правопорядка, который слушал мой рассказ с бесконечно постной миной. У него по глазам читалось: «На кой оно мне нужно?»

– Вам точно не привиделось? – скучающе уточнил он, когда я рассказала про нападение.

– Как это – привиделось?

Я уставилась на инспектора с непониманием. Прямо-таки вылупилась от удивления.

– Нервное потрясение, обезвоживание, усталость, – перечислял он, почесывая плешь. – Вы ж сами понимаете, бессознательный человек не может кого-то душиТЬ.

Вот так заявление!

– Так он был в сознании...

Я рассказала и про странную фразу, и про буйство стихий, и про полное безразличие незнакомца ко всему.

– Ясно. Разберемся, – коротко рубанул мужчина, даже не пытаясь задавать уточняющие вопросы.

Ну-ну, разберется он. Что-то мне подсказывало: дело задвинут в дальний ящик за ненадобностью. Для себя этот человек всё решил.

– Вы расшифруете его шрамы? – спросила жестче, в надежде хоть что-то выведать.

– А зачем их расшифровывать? Вы, деточка, подальше отсюда уедете и в дикарских племенах такие шрамы у каждого первого найдете. Ритуальные, самые обыкновенные, – поднял он вверх указательный палец. – Ну, что ж. Давайте прощаться. О результатах следствия вас оповестят.

И ушел.

Вот так просто.

«Находку» мою унесли для обследования, а мне намекнули: проваливай.

Всё, совесть может быть чиста.

Я обмылась с дороги, передохнула буквально полчаса. Можно лечь спать или пообедать по-человечески, а то с самого утра во рту ни крошки. Но на месте не сиделось. Хотелось скорее похвастаться сокровищем перед поисковой гильдией.

Решено, иду туда!

– Что это может быть? – спросила наставника, выложив диадему перед ним и рассказав, каким образом добыла.

Мистер Томас, ныне пузатый и толстощекий, а некогда великий поисковик, осмотрел украшение со всех сторон, медленно провел подушечкой указательного пальца по основанию. Хмыкнул одобрительно.

– Да уж, любопытная находка, мисс Трозз. Должен сказать, вы – отличная ищейка. Найти нечто такого уровня в первую самостоятельную вылазку! Хвалю.

– Вы знаете, кому она могла принадлежать? – подалась вперед.

– Однозначно, некой королевской династии, – наставник указал на полустертую руну с внутренней стороны. – Но кому, в каком столетии и почему она напитана колдовством – вопросы любопытные. Говорите, вещица лежала в воде? Сохранность превосходная. Почти не тронута. Что ж, будем разбираться. Вы своё вознаграждение получите, гарантирую.

Я победно улыбнулась. Держитесь, ребята-поисковики. Олли Трозз всех уела!

- А что насчет того мужчины?

- Выкарабкается. Как дотащила-то его, совсем же хрупкая пташка...

Сама не знаю, как дотащила. Порою казалось, что спина отвалится или колени подогнутся. Привал делала через каждые сто шагов. Вроде и не тяжелый, худой совсем, а по ощущениям – гору свернула.

Наверное, так хотела помочь, что все силы подключила. Даже те, о которых сама не подозревала.

- Думаете, всё будет хорошо? Мне показалось, лекарям плевать.

- Не вините их, они материалисты. Что взять с полумертвого человека? Если он придет в сознание, его поставят на ноги, – ответил мистер Томас, поглаживая диадему. – Хватит поедать себя поедом, отныне он – не ваша забота.

Я поежилась.

Если придет в сознание...

С другой стороны, что мне до какого-то безумца, который сначала чуть не утопил меня, а после великодушно утопился сам?

Даже думать о нем не хочу!

Через полчаса взглянуть на находку пришла половина гильдии. Что-то столь драгоценное в нашем захолустном городке попадалось нечасто. Обычно поисковики довольствовались малым: ложки какие-нибудь старинные находили или ржавые украшения. Но чтоб диадема... да ещё королевской семьи...

Вот так новость!

Когда я решила осесть тут после гимназии, знакомые крутили пальцем у виска. Столичная девочка, дочь богатого боевого мага, а уехала в глухомань.

Но меня тяготила столица. Шумная, грязная, полная сплетен и домыслов. Мне тяжело дышалось за каменными стенами, и душа требовала свободы.

Пока старшая сестра, Алиса, ещё заезжала в родовое имение, я мирилась с городом. Но когда они с супругом перебрались ближе к границе, поняла: в столице меня ничего не держит.

Я окончила гимназию и отправила запрос на стажировку в удаленный городок. Маленький и непримечательный, сонный как осенняя муха.

Но мне тут нравилось.

Здесь я чувствовала свою нужность. Мне позволяли работать наравне с остальными, меня не трогали и не шпыняли.

Чем занималась? Да всем понемногу.

Вообще-то поисковые маги в первую очередь нужны для расследования магических преступлений, потому что наше отточенное чутье способно уловить мельчайшие колебания силы. Но нас слишком много, а преступлений слишком мало (хвала небесам!).

Поэтому перебиваемся мелкими подработками, чертим карты, разыскиваем вещи или людей.

От скуки некоторые уходят в такие вот добровольные вылазки или на раскопки. Если найдешь что-то ценное – получишь солидный гонорар.

Казалось бы, зачем отдавать диадему в гильдию? Присвой себе, да и дело с концом. Но проще сдать, чем продавать самому. По крайней мере, не надо думать, через какой «черный» рынок сбыть, чтобы не решили, будто она краденая.

Многие поисковики ищут счастья за охранными стенами, в Свободных землях – те местности слабо изучены и опасны, а потому любая карта, составленная там, ценится на вес золота. Но отец строго-настрого запретил мне соваться в те края. Да и Алиса отговорила. Она в Свободных землях прожила несколько месяцев и повторяла, что там без магии нельзя – убьют.

А я вот не полноценный маг, а почти пустышка. Развито магическое чутье, и всё на этом. Понимаю местность. Умею создавать карты. Но не способна высечь магической искры.

То, что с легкостью давалось моему отцу или сестре, для меня недостижимо.

Обидно.

Впрочем, сегодня я гордилась собой. Меня хлопали по плечам, хвалили, охали и ахали. В глазах ребят-поисковиков зажегся алчный огонек. Они завистливо присвистывали и спрашивали: как это мне удалось раскусить Забытые шахты?

Я лишь отмахивалась:

– Чутье.

Ну а что? Так оно и есть.

Вернувшись в квартирку под крышей трехэтажного здания, которую мы арендовали на двоих с приятелем, я написала домой короткую весточку и упала лицом в подушку.

Завтра отправлю, а сегодня можно отдохнуть. Ноги не держат. Многодневная усталость обрушилась на меня, словно с тела сорвало защитные чары. Если ещё вчера я держалась, то сегодня плашмя рухнула на кровать, чтобы долго ещё не подниматься.

... В ночной тиши я вновь слышала тяжелое мужское дыхание...

– Ты слышала? Твое сокровище очнулось, – вместо приветствия оповестил Грегг, с которым мы на двоих снимали квартиру.

Шли третьи сутки моего прозябания без дела. Два дня провалялась без движения. Только сегодня смогла заставить себя подняться на ноги. Сознание какое-то ватное, но хотя бы тошнота спала, и руки перестали трястись.

Я завалилась на кухню, а он уже поджарил блинчики, которые уплетал за обе щеки. Моя порция остывала в тарелке.

Лучшего соседа найти невозможно. Кто ещё будет готовить мне завтрак? Вообще-то ему не помешало бы поумерить аппетит, потому что сидячая работа – Грегг создает магические украшения – и вечные перекусы откладываются у него на боках.

Впрочем, это не делает его некрасивым. Ещё бы, белокурый, синеглазый. Такими художники изображают ангелочков. А голос... м-м-м... с хрипотцой.

Я бы непременно влюбилась в него, если бы вообще умела влюбляться.

– Кто очнулся? Диадема моя? – Я взялась за кофейник и протяжно зевнула.

– Какая диадема? Мать, ты совсем умом тронулась? Мужик в себя пришел, которого ты притащила на горбу. – Грегг закатил глаза, мол, ну ты и тупая, соседка.

Внутри похолодело, оборвалось что-то со звоном. В горле запершило от нервов, и мне пришлось откашляться.

– Откуда ты знаешь?

– Да об этом весь город судачит, – фыркнул парень. – Говорят, лекари накачали его какими-то убойными травами, и он проснулся. Только вот...

Замолчал, хитро прищурился. Любит удерживать внимание. Меня накрыло волной раздражения.

– Хватит говорить намеками!

– Чего ты буянишь? – Грегг цокнул. – Мне сказали, якобы с ним что-то неладное. Не понял, что конкретно. Ну, сходишь и сама узнаешь.

– С чего я должна к нему идти? – насупилась.

В глазах соседа мелькнула озадаченность.

– В смысле? Ты не хочешь поговорить с ним?

Крепко задумалась. Наверное, хочу.

Посмотреть на него, спросить: «Что это было?»

Решено, схожу, если, конечно, его не готовят к передаче стражникам для допроса.

На входе в лечебницу было не протолкнуться. Кто-то где-то услышал, что мимо пронеслось моровое поветрие – и всё. Половина города пришла с «симптомами скорой смерти». Причем симптомы эти недотягивали даже до чесотки, но народу надо было приукрасить размеры бедствия.

Я протиснулась сквозь толпу и тронула за рукав первого попавшегося лекаря. Молоденького ещё, а потому горящего жаром. Не растерял пока что желания помогать людям.

– Очередь одина для всех, – рыкнул он, но затем присмотрелся ко мне и ахнул: – Это же вы! Та самая!

– Наверное, та самая... – смутилась, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы принесли сюда мужчину? Из шахт? Да о вас все кругом рассказывают!

Угу. Местная знаменитость.

– Он очнулся? Можно его увидеть?

– Да! Именно! Идемте! – Лекарь поманил меня за собой, повел по бесконечным коридорам, отмахиваясь от приставучих горожан. – Пока мы знаем немного. Ему около двадцати пяти лет, но точнее сказать сложно. Аура почти неуловимая.

Двадцать пять лет! Всего на пять лет старше меня, а выглядит как мужчина в возрасте.

Не может быть.

– Очень истощен, – продолжил он. – Такое ощущение, что... такого не может быть, конечно, но...

– Что? – Я прищурилась.

– Этот человек мог долгие годы находиться в магической спячке. Организм не тратил ресурсы, но он не питался, не пил, и сейчас это сказывается. Он весит как подросток, но, знаете, что интересно? Сильно набирает после каждого приема пищи. Будто тело начинает нормально функционировать.

Я вспомнила проступающие ребра. Шрамы-надписи, что иссекали тело. Губы обескровленные и вытянутое лицо, на котором выделялись темные пятна синяков под глазами.

– А сам он что говорит?

– В том-то и проблема. Он не говорит. Вообще.

– Как?! – Я застыла на месте, переваривая дикую информацию. – Я точно помню, что он говорил.

Вода требует жертву, и она её получит...

Лекарь лишь развел руками.

– Возможно, таковы последствия сильного потрясения или заклинания. Даже не пытаются. Мы отмечаем у него полное отсутствие каких-либо реакций: на свет, на звук, на магическое воздействие. Вообще ничего. Ну, вы сами поймете. Пойдёмте.

Я хотела отказаться. Зачем мне смотреть на этого человека? Говорить не может, от реальности отстранен. Ему даже предъявить нечего, не поймет же. Что делать? Потоптаться и уйти? Но лекарь уверенно вел меня между палат, забитых больными, меж стен, что напитаны людскими страданиями.

Нехорошо как-то отказываться на половине пути.

Дверь была заперта на ключ. Поворот, и мы очутились внутри пустой комнаты. Такой крошечной, словно её оборудовали в чулане. Здесь стояла кровать, и всё. Из зарешеченного окна над самым потолком лился солнечный свет.

Мужчина сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Взгляд его был пуст и отрешен.

Ему гладко выбрили лицо, и сейчас оно казалось еще уже, ещё острее, чем прежде.

Я смотрела на того, о ком не переставала думать все эти дни.

– Здравствуй, – сказала негромко. – Ты меня узнаешь?

Не отреагировал.

Что же с ним случилось?..

Молчание тянулось нитью, прорезая горло, мешая дышать.

– Мы держим его в одиночной палате, – объяснил лекарь. – Не знаем, чего ждать, если он придет в чувство. Но не беспокойтесь. Он не причинит вам вреда в моем присутствии, – в доказательство своих слов крутанул запястьем, и из-под пальцев его посыпались магические искры. – Всё под контролем.

Он выплел оберегающую руну, но сам остался в дверях. Я двинулась к мужчине. Шаг за шагом. Звуки казались недопустимо громкими и резкими, они дробили барабанные перепонки. Но мой спаситель – или убийца?.. – даже не шелохнулся. Не дернулся. Он редко моргал и смотрел в пол.

Что с ним?

Я помнила, как он глянул на меня, стоило ему услышать мой голос. Этот взгляд, темный, засасывающий. Живой. Помнила голос, что заставил содрогнуться стены.

Сейчас передо мной сидело жалкое подобие человека. Пустая скорлупа.

– А что шрамы? – спросила хрипло, обращаясь к лекарю.

– Древняя письменность, – отрапортовал тот. – Это всё, что мне известно. Я видел такие руны в храмах. Но перевести их – целая мука.

– Кто-нибудь занимается переводом? – сглотнула, поборов глупое желание коснуться набухших полос пальцами.

– Нет. Кто будет этим задарма заниматься?

Не поспоришь. Кого волнует этот человек? Поисковикам нужна только найденная мной диадема. Стражники не будут тратить время на какого-то полуживого путника..

Просто ещё один безумец, что обитал в шахтах.

Откуда тогда это истощение? Почему стихия взбунтовалась от его слов? Связан ли он с диадемой? Что означают его шрамы?

Неужели эти вопросы тревожат только меня?!

Моя интуиция взвыла: оставь это, не лезь, перестань, ты всё равно ничего не сможешь сделать.

– Мне нужно идти, – прошептала я лекарю, выбегая из палаты.

Сердце перестало молотить по груди только когда вновь щелкнул замок, отсекая маленькую палату от внешнего мира.

– Как долго он пробудет в лечебнице? – Мой голос звучал глухо.

– Неделю или две. – Лекарь пожал плечами, запер дверь на ключ. – Всё зависит от того, как организм восстановится от магического истощения.

– А потом?

– Если найдутся родственники – отдадим им. Сами понимаете, гильдия правопорядка им не заинтересовалась, а нам он без надобности. Других больных девать некуда.

– А если родственники не найдутся? Если он так и не заговорит?

Парень безрадостно развел руками. Мол, мы бы и рады держать вашу «находку» вечно, да только не можем.

– Если уж совсем никого не найдется... в Доме скорби примут любого.

Стало так жутко, что скрутило внутренности. В этих домах люди гибнут. Никто о них там не заботится, и они гниют заживо без возможности спастись. Кто способен трудиться, пашет с утра до ночи за краюху хлеба. Обитатели домов даже бесправнее рабов, ибо у последних хотя бы есть хозяева, которые предпочитают не портить «вещь», за которую заплачены деньги.

Ладно, какое мне дело? Кто он такой, чтобы беспокоиться за его жизнь?

Почему тогда во рту прогорклый, гадостный привкус, словно я совершаю ошибку?..

Я возвращалась недовольная собой. Что-то скребло, выламывало меня изнутри. Выло от бессилия и не умолкало ни на секунду.

Грегг караулил в дверях.

– Пришла! – обрадовался он. – Ну что? Чего интересного тебе рассказал твой новый знакомый?

Я поморщилась.

– Он не говорит.

– Чего не говорит?

– Ничего не говорит, – окрысилась, скидывая ботинки. – Молчит. В стену уставился, и всё на этом.

– Хм, а ты его спрашивала?

Иногда Грегг поражал меня своей простотой. Он залезал в структуру драгоценностей, выворачивая те наизнанку, зато в бытовых мелочах не разбирался от слова «совсем». Не думал просто о таких вещах, не разжевывал их внутри себя.

Не ответил, значит, не спросили.

Логично? Вполне.

– Он совсем не говорит. Его бесполезно спрашивать, – почему-то меня это злило.

Может, нужно вернуться в лечебницу, потрянуть его за плечи и вытрясти хотя бы слово? По щекам надавать или магию применить? Где только эту магию взять.

– Эх, жаль. – Впрочем, было видно, что мой сосед не слишком расстроился. – Так что с диадемой? Я три дня безвылазно в мастерской провел, изнывал, значит, от нетерпения, пока ты дрыхла. Рассказывай мне всё.

Я описала находку в деталях, с мелкими подробностями. Хоть Грегг и подмастерье, но в украшениях разбирается лучше моего.

– Любопытно, – протянул он. – Очень любопытно. Почитаю в справочниках, кому она могла принадлежать.

В такие моменты он с головой уходил в работу. Профессионал своего дела, не иначе. Обожает все эти тонкости, нюансы. Может часами настраивать какой-нибудь кулон, только бы впихнуть в него побольше заклинаний.

– Так что ты с ним будешь делать? – спросил Грегг, когда я дернула дверь в свою спальню.

– С кем?

– Со своим таинственным мужчиной, конечно же, – фыркнул он. – У него совсем никого нет. Теперь он на твоей совести.

– Нет уж, моя совесть чиста, – отрезала я, хлопнув дверью и добавив самой себе: – Я его спасла. Этого достаточно.

Разве нет?..

Глава 4

Мужчина преследовал меня по пятам. Я шла по земле, почему-то липкой, к которой прилипали ноги, а отлипали с гулким чавканьем. А человек двигался следом. Мрачный и хмурый. Задумчивый. Молчаливый, да только молчание его било по барабанным перепонкам сильнее крика.

– Чего тебе надо? – обернулась я к нему недовольно, скрестила на груди руки. – Чего ты хочешь от меня?

На его губах заиграла безумная перекошенная улыбка. В глазах полыхнуло пламя, и один за другим начали зажигаться шрамы по телу. Они полыхали, причиняя мужчине боль, от которой тот морщился и сжимал кулаки.

– Чем тебе помочь? – Я подошла ближе, попыталась коснуться руны ладонью, но человек отпрянул.

Огонь от шрамов перетекал по венам, сплетался с артериями. Мужчина застонал сквозь сведенные зубы.

– Да что я могу сделать? – спросила в ужасе. – Почему ты не можешь ответить?!

– А ты хорошо спросила? – хрипло ответил мужчина перед тем, как тело его охватило рыжее пламя.

Я распахнула глаза и уставилась в потолок. Рассветное марево окутывало комнату, настырно лезло сквозь мансардное окно, затекая внутрь. В углу выплел паутину на удивление жирный паук. Он, будто напоминание о моей безалаберности, прекрасно устроился в жилище и убираться не планировал.

Я укрылась с головой подушкой. Поспать бы ещё часик или два. Да только дурацкие мысли обосновались в голове, мешая уснуть.

Что значит «ты хорошо спросила»? Нормально я спросила! Как надо было спрашивать? С танцами и бубнами? В ноги ему кинуться? Я и так была максимально сдержана, даже не набросилась на него с криком: «Ты меня чуть не угробил, гад!»

А могла бы, смею заметить.

Ну, так чего теперь сомневаться?

Всё, забудь ты о нем, займись чем-нибудь полезным.

Я встала так рано, что даже Грегг ещё не проснулся. Что ж, впервые за долгое время сама приготовлю завтрак. Не всегда же пользоваться добродушием моего соседа.

Я с сомнением осмотрела кухню, достала из шкафчика муку, задумчиво потрясла её. Готовить меня никто не учил. Зачем о таких мелочах беспокоиться аристократке, у которой есть экономка, повариха и несколько слуг на любой случай жизни?

Взрослая жизнь заставила многое пересмотреть. Оказалось, что в походе никто не сварит тебе кашу и не нажарит оладушек. Так что, будь добра, купи кулинарную книгу и изучай рецепты. Да и творог бывает свежайший, а бывает недельной давности (зато стоит дешевле).

Хочешь быть самостоятельной? Учись, малютка Трозз.

С другой стороны, обучение по специальности, на которую не рвались богачи (чаще поисковиками шли ребята из небогатых семей), а потом работа на окраине страны сделали меня проще. В детстве я была ранимым цветочком. Сейчас и послать могла при желании.

С горем пополам я приготовила что-то съестное, вывалила на две тарелки. Выглядит так себе. Но нам же не смотреть на это, а есть.

Я вяло колупала месиво, когда на кухню вошел сонный Грегг и почесал живот под растянутой домашней рубахой.

– Что, не спится, хозяйюшка? – улыбнулся мне. – Совесть мучает? Человека оставила, да?

– Сгинь, пожалуйста, – попросила я, уткнувшись лицом в ладони.

– Ладно тебе дуться, – он шутливо стукнул меня кулаком в плечо. – Сможешь достать какую-нибудь информацию о диадеме? Или хотя бы руны на ней зарисовать? Есть у меня несколько идей, хочется порыться в архивах.

– Ты помешанный на артефактах псих, – заключила я.

– Знаю! – радостно согласился Грегг. – Давай, хватит штаны просиживать. Мне нужно хоть что-нибудь!

Зная, что парень не отвяжется – а заодно прожрет мне плешь своим нытьем, – я наскоро собралась, затянула волосы в хвост и отправилась в гильдию.

Мы с Греггом познакомились почти год назад. Я только-только перебралась в Хорхелл и искала какой-нибудь салон для починки защитного амулета. Ну а на дверях той мастерской висело объявление: «Срочно ищу соседа для съема квартиры. Обращаться к подмастерью».

Я, конечно, засомневалась, хочу ли снимать жилье на двоих с непонятным существом мужского пола. Но кошелек прохудился, а первая подработка только-только маячила на горизонте. Чуть позже мы пообщались, и выяснилось, что Грегг – парень компанейский, душевный и очень милый.

Свой в доску.

Он настолько кайфовал от работы, что ради новой магической штуковины был готов загрызть до смерти.

Поэтому сейчас я перешагнула порог гильдии, приветливо улыбнулась Олафу, заместителю наставника.

– Соскучилась по работе? – хмыкнул рыжеволосый Олаф. – Так быстро?

– Ага, соскучилась, – почти не слукавила я, перебирая ящик с запросами на подработку для поисковиков. – Что-нибудь выяснилось с диадемой? Работают с ней?

Ящик этот служил для всяких мелких поручений, за которые особо не платили. Но если ты на мели, а в соседнем селении предлагают звонкую монету за приработок – какой дурак откажется?

– Как сказать, работают. Ждем людей из столицы, без них запретили даже приближаться. – Олаф поскущел, а затем выхватил у меня ящик и достал одну из бумажек. – Во, держи. Плевое дело.

Я вчиталась в требования. Ну да, ничего сложного. Два соседа поспорили, чьему огороду принадлежит пруд. Надо залезть в документы, разграничить участки.

Это даже не поисковая работа, так – смежная. Нам часто прилетали задания вроде бы и не наши, но кто лучше начертит карту, если не человек, которого этому обучали десять лет?

Но я убрала листок обратно в ящик. Неохота мне сейчас возиться с картами. Деньги пока есть.

– А чего опасаются? – ради интереса уточнила я.

– Вдруг там ловушка какая магическая, кто его знает. У нас магов маловато, ковырнем и взлетим на воздух. – Олаф красочно развел руками, показывая, куда именно «мы» будем лететь.

– Ясно. Покажешь её?

– Ты будто не видела, – удивился он, дернул себя за вьющуюся прядь.

– Видела, но захотелось рассмотреть подробнее. Можно?

– Вообще-то туда доступ запрещен, – Олаф закусил губу, раздумывая. – С другой стороны, ты же её притащила. Так и быть, пойдём.

Я выдохнула с облегчением и приготовилась запоминать диадему в подробностях, чтобы потом зарисовать её до мельчайшей черточки.

Иначе получу от Грегга, которого не устроит абы какой вариант.

– Слышал, очнулся твой мужик, – как бы между делом сказал Олаф. – Гильдия правосудия на него рукой махнула, да? Не стали разбираться?

– Угу, – я умолчала, по какой причине стражники потеряли к нему интерес.

– Ну а ты чего? Будешь настаивать на том, чтобы его засадили за решетку? Нет? – Я покачала головой, мол, бесполезно это. – А что тогда? Не хочешь с ним пообщаться?

А сам смотрит на меня, скосившись. Понятно, донесли уже, что я ходила в лечебницу.

– С ним бессмысленно общаться. Он немой.

Олаф погрустнел. Ожидал, видимо, каких-нибудь подробностей.

«А ты хорошо спросила?» – разгоняя кровь, зашевелилось в черепной коробке, ударило по вискам.

Разумеется, Грегг остался недоволен моей вольной интерпретацией диадемы. Тут, видите ли, недостаточно развернуто начертила, а тут вообще непонятно: конус или овал. А свечение какое: желтое с золотым или золотое с желтым? Оказывается, есть разница.

– Сам бы шел и смотрел, – обиделась я за своё творчество. – Я поисковик, а не художник.

– Оно и видно, – приятель схватил листочек и гордо удалился с ним в комнату.

Ну а я до обеда промаялась без дела, затем всё-таки вернулась в гильдию и достала задание о границе участков. Всё лучше, чем бездельничать.

Остаток дня прошел за изучением планов местности. Скучно. Монотонно. Сиди и сверяй карты вековой давности. Они обновлялись каждые пять лет, поэтому нужно было перелопатить кучу бумаг. В итоге нашлась неточность: двадцать лет назад картограф напутал с границами, и ничейный пруд перешел к одному из участков. Так что соседям не о чем спорить.

Всё, дело сделано. Можно получать законную плату.

Я вернулась из городского архива за полночь, тотчас завалилась спать и провалилась в сон, как только голова коснулась подушки

Мужчина стоял в моей комнате и смотрел на меня сверху вниз. Бездвижно, точно окаменев. Губы его сжались в тонкую полосу. Меж бровей залегла глубокая морщина. Я укуталась одеялом, кожей ощущая свою наготу.

- Что тебе нужно? – спросила с раздражением. – Чего ты хочешь?

Промолчал, лишь сделал шаг вперед, протянул руку, прося принять её. Я помотала головой. Не хочу. Уходи, пожалуйста. Я устала просыпаться среди ночи и задыхаться, вспоминая очередной кошмар.

- Что нужно? Хороший вопрос, – заговорил мужчина, и шрамы его вновь начали полыхать изнутри.

Он скорчился, но остался стоять, лишь ладонь сжалась и бессильно разжалась. Я скинула одеяло, вскочила с кровати. Мужчина окинул моё тело взглядом. Долгим таким, сосредоточенным. Даже заинтересованным.

- Да объяснись же ты по-человечески!

- Ты спрашиваешь, но не ждешь ответа, Ольга Трозз... – зашептал сквозь боль, а затем всполохнул точно сухое полено.

Он ещё и загадками разговаривает?!

Бесы!

Пятая бессонная ночь подряд. Мужчина появлялся как по расписанию, врвался в мои сновидения, руша их на осколки. Я выпивала успокоительные травы – он пробирался через них. Попыталась уснуть после кошмара – не могла сомкнуть глаз.

Ну и что делать? Кажется, бесполезно отрицать очевидное. Что-то внутри меня молит вернуться в лечебницу, поговорить с моим несостоявшимся убийцей.

Зачем?

Знать бы ещё...

Тем же утром я накупила холщовый мешок фруктов и потащила их с гордым видом, будто обычная посетительница. Глупый, конечно, порыв. Кто покупает фрукты психопатам?

Но так я хоть как-то оправдывала свой поступок. Мол, иду не просто так, а с добрым умыслом. Накормить хочу. Смотрите, какая я хорошая, забочусь о том, кто меня собирался утопить.

Очередь в лечебницу не уменьшилась, наоборот – разрослась. Кто-то натурально стонал, еле держась на ногах. Другие читали молитвы богам. Третьи ругались, требуя обслужить их в первую очередь.

Я прошла, увернувшись от недовольного таким вероломством народа. Даже пихнула локтем одну женщину, которая пыталась дернуть меня за косу, чтобы вернуть в конец толпы.

– Здравствуйте! Это я! – рванула к знакомому уже целителю. – Ну, та, которая...

Сегодня он выглядел совсем никаким, цветом лица слился с белеными стенами.

– Да понятно, кто вы, – вздохнул. – Чего пришли?

– Да вот... фруктов принесла...

Теперь идея откупиться едой казалась глупой и неоправданной. В самом деле, зачем тащила их сюда? Но лекарь кивнул и отвел меня к двери, отпер её привычным движением.

– Идите, если нужно, – сказала я на пороге. – Я смогу о себе позаботиться.

– Не положено, – покачал головой парень, но затем в ладонь ему легла блестящая монета, и он понимающе хмыкнул. – Так и быть, в порядке исключения. Сомневаюсь, что он вам как-то навредит.

Дверь закрылась за моей спиной. Я застыла напротив человека, что сидел на полу, вытянув ноги. Казалось, за несколько дней он не сдвинулся с места. Серые губы его были сжаты в тонкую полосу. В глазах плескалась пустота.

Его вообще на ночь перекадывают в кровать? Не понимаю.

– Я фрукты принесла, – сказала зачем-то и неуклюже брякнула мешок на пол.

Яблоко, пользуясь случаем, выскользнуло наружу, подкатилось к пленнику лечебницы. Тот даже бровью не повел.

– Не знаю, кто ты такой и что делал в шахтах. Не знаю, зачем пытался убить меня или спас. – Я села, скрестив ноги, потерла ноющие виски. – Но ты мне постоянно снишься. Это ненормально. Я выпасться не могу. Отпусти меня. Ладно? Если бы ты дал знать, есть ли у тебя родственники, было бы проще. Может быть, напишешь мне? А? Умеешь писать? Я с ними сама свяжусь.

Достала из кармана сложенный вчетверо листок с завернутым в нем угольком. Протянула мужчине. Тот не сдвинулся.

Да что за напасть!

Он же совсем никакой...

Ему нельзя в Дом скорби. Его же уничтожат там за неделю. Оставят без еды, без воды. Кого волнует судьба опустевшего изнутри человека?

– Если ты не очнешься, тебе конец, – сказала я, до крови прикусив губу. – Если ты меня слышишь, ну, где-то там, внутри, то пойми это. Тебе нужно выбираться из лечебницы, найти родню. Иначе тебя в Дом скорби отдадут. Понимаешь?!

Даже взгляд не поднял, никак не отреагировал на мой жалкий вскрик.

– Да что с тобой случилось?! – разъярилась я собственному бессилию, схватила яблоко, сжала в пальцах. – Я же помню, ты говорил и двигался. Утопить меня собирался! Было же такое?!

«А ты хорошо спросила?»

Я подошла к нему вплотную, страшась собственной храбрости. Сцепив кулаки, отбросив яблоко в дальний угол. Застыла в полуметре от мужчины, наклонилась к нему и тихонько, одними губами задала вопрос:

– Что с тобой произошло?

Клянусь, его щека дернулась. Он не выдавил ни слова, не поморщился, не вскочил на ноги. Но на окаменевшем лице прорезалось что-то злое.

И это что-то нешуточно испугало меня. Я отскочила, опасаясь, что мужчина вновь схватит меня за шею. Даже почувствовала, как саднят следы на коже. Синяки от прошлой нашей встречи только-только начали сходиться.

Но он вновь опустел.

Ох, бесы!

– Мне нужно уйти, но я приду к тебе завтра. Если тебе захочется меня прикончить – лучше так. Хотя бы отправят на каторгу, а не в Дом скорби. Поверь, каторга лучше, – сказала жестко, достав из мешка другое яблоко и положив его на колени мужчине. – До встречи.

Он стоял напротив меня, полностью обнаженный. Странное чувство. Я никогда до этого не видела голого мужчину. Пусть и во сне – а я понимала, что это очередной сон, – но чтоб так... близко... доступно. Можно разглядеть каждую черточку, каждый рунический шрам, которые тянутся по всему телу, сплетаясь в неизвестные фразы.

Просто стоял. Без движения. Позволяя рассмотреть его подробнее.

Глаза темны что ночь, укутанная тучами, и взгляд невыносимо тяжелый. Тонкие губы поджаты. Он весь угловатый, острый, колючий. Не человек – зверь, запертый в людское тело.

Поддавшись непонятному порыву, я коснулась его груди ладонью. Сердце глухо ухало под пальцами. Горячий, почти обжигающий, словно внутри него не угасает пламя.

Возможно, так и есть.

Пальцы прочертили путь до впалого живота, а затем остановились. Отдернулись.

Пусть это и сон, где разрешено многое, но нельзя же так бесцеремонно ощупывать незнакомого мужика.

– Я приходила в лечебницу, пыталась поговорить с тобой, – обратилась к нему как к давнему другу, с неприкрытой обидой. – Но ты не ответил.

– Знаю, – произнес глухо, и шрамы начали проступать алым цветом, сочиться огнем. – Мне нечего тебе сказать. Неужели ты этого еще не поняла?

Ответ как удар наотмашь. Резкий. Честный. Лишенный эмоций.

– Почему тогда ты здесь? Почему общаешься со мной? – Я скрестила руки на груди, возмущенно надула губы.

– Это тебя надо спросить, почему я здесь... в таком виде, – окинул себя долгим, насмешливым взглядом.

– Тебя упекут в Дом скорби. Отец рассказывал мне об этих домах, оттуда не возвращаются. В твоих же интересах очухаться. Я понимаю, ты – плод моего воображения. Я чувствую себя виноватой, поэтому вижу тебя во сне. Но...

– Да перестань же ты тараторить! – рыкнул, морщась от боли, а затем добавил уже спокойнее: – Кстати, спасибо за яблоки. Великодушно.

Он ухмыльнулся – почти по-человечески, – после чего вновь исчез, охваченный жаром.

Минула шестая ночь, которую я провела бесцельно пялясь в потолок.

– Доброе утро, – улыбнулся Грегг, когда я вломилась в кухню и бахнула кофейник о стол. – Так, кто-то не в настроении. Пойду, пожалуй.

– Иди, – сквозь зубы.

Всё, сегодня же выпрошу задание посложнее и подальше отсюда. Уеду на раскопки каких-нибудь пещер. На полгода или год, так будет правильнее.

Не могу находиться в этом городке.

– Олли, ты после возвращения из шахт какая-то повернутая, – Грегг покачал головой. – Понимаю, тебя крепко припечатало. Но нельзя же срываться на всех и вся.

– Отстань, пожалуйста. Дай мне разобраться в своей жизни самостоятельно.

– Дам, конечно. – Грегг закрыл книгу, которую читал за завтраком. – Ты когда в последний раз нормально ела? Не травами упивалась, а кушала что-то. А?

Я задумалась, но так и не смогла вспомнить точный день.

– То-то же и оно, – сосед развел руками. – Я беспокоюсь за тебя, разбирайся уже со своими проблемами и становись обычной.

Легко сказать. Но как это сделать, если по ночам я боюсь ложиться в постель, ибо посреди ночи придет мой персональный кошмар?

Тем утром я вернулась в лечебницу как к себе домой. Неизменный целитель – ему вообще дают спать? – молча протянул мне ключ, сжав в кулаке новую монету.

– Завтра у меня выходной, – сказал он напоследок. – Но вы заходите. Придумаем что-нибудь.

– Спасибо, – кивнула. – Скажите, что-нибудь изменилось? В его состоянии, имею в виду?

Парень вздохнул и начал объяснять, долго и путано.

Знакомая комната, привычная поза мужчины. Нетронутые яблоки. Разве что на коленях ничего не лежит. Значит, поднимали. Не может же он спать сидя. Или может?..

– Я скоро уеду отсюда, уже запросила отдаленную работу, – зачем-то отчиталась перед молчаливым собеседником. – Может быть, больше не увидимся. Спасибо тебе. За то, что не позволил погибнуть.

Я много думала над той его фразой, брошенной перед тем, как ступить в воду. Возможно, на диадеме лежало какое-то заклинание, и, потревожив её, я сама обрекла себя на гибель. А он... не знаю, откуда он взялся. Но почему-то передумал и принял удар.

– Надеюсь, ты все-таки придешь в себя. Ради собственного же блага. Тебя прекратят лечить, я разговаривала с врачом. Он убеждает, что аура нормализовалась, всё стабилизировалось. В ближайшие дни твоя судьба будет решена. Я ничего с этим не могу поделать. Понимаешь?

Разумеется, не ответил. В моих кошмарах он был хоть и немногословен, но разговаривал. Тут же – словно натыкаюсь на глухую стену, на магический барьер, на кокон какой-то, из которого не вырваться.

Его обнаженная грудь вздымалась медленно, будто каждый вздох давался с трудом. Я вспоминала жар кожи под своими пальцами и робость, с которой коснулась его.

Внезапно мне захотелось проверить: такой же он горячий в реальности, как во сне?

Шаг за шагом. Нерешительно. Медленно. Костеря саму себя на чем свет стоит. Пожалее же. Нельзя же трогать незнамо кого, да ещё в лечебнице. Да ещё едва живого.

Но я всего лишь удостоверюсь, что в моем сновидении не было ни грамма настоящего, что всё это – фантазия. Вымысел.

Дрожащие пальцы тронули окаменевшее плечо. Легонько, одними подушечками.

Да он же полыхает! Это горячка. Жар. Болезнь какая-то.

И лекарь заверяет меня, что всё в порядке?!

Я хотела отстраниться и позвать целителя, но внезапно... твердая ладонь стиснула моё запястье. Одним движением. Резко. Быстро.

Я охнула от неожиданности, но не отдернулась. Так и застыла, не веря своим глазам.

Мужчина поднял на меня взгляд. В его глазах из-за густой тьмы выглядывало что-то осознанное. Он не двигался, не пытался атаковать меня. Мои пальцы лежали на плече, сжимаемые тяжелой рукой.

– Ты всё-таки меня убьешь? – спросила с горькой иронией.

Всё, белочка, допрыгалась. Довела человека, напомнила ему, что он безумен и в прошлый раз не довершил начатое. Сейчас тебя переломят напополам и усядутся обратно, как ни в чем не бывало.

В ответ – молчание.

– Выпустишь? – осторожно. – Я позову лекаря. Он должен осмотреть тебя. Ты двигаешься. Это замечательно. Мы вытащим тебя отсюда!

Ничего не сказал, но рука разжалась и безвольно опустилась вниз по туловищу.

– Жди, не сдавайся, – приказала я и рванула за дверь, забыв запереть ту на замок.

Глава 5

Когда мы вернулись с «моим» целителем, мужчина всё так же сидел на месте. Даже не шелохнулся, хотя мог бы открыть дверь и убежать куда подальше.

Сбежать было бы ожидаемо. Нормально, что ли. Так поступают люди, перед которыми маячит расправа. А вот сидеть... на полу... без движения...

Это точно неспроста. Не может человек по своему желанию так себя вести.

– Он шевелился! – убеждала я лекаря, пока тот водил руками над мужчиной, ощупывая его ауру. – Смотрел на меня. Клянусь, всё так и было.

– Вы что-то сделали или сказали?

Я густо покраснела. Вот и как признаться, что захотела пощупать, чтобы сравнить ощущения? Дескать, ко мне этот человек безымянный уже какую ночь ходит как к себе домой, я вот совсем ополоумела, что взялась ощупывать его.

Н-да. Тогда на соседнюю койку уложат меня саму.

– Нечаянно коснулась, – слукавила, отведя взгляд. – Случайно получилось. А он схватил меня и не отпускал.

– Ничего нового не вижу, – огорчился лекарь, выплетая сканирующие чары. – Всё как обычно, в пределах нормы. Ни единого колебания, к сожалению. Может быть, вам показалось?

Ага, показалось. До сих пор запястье болит так, будто его в тиски зажало.

– В смысле, как обычно?! Он же горячий! – возмутилась я. – Раскаленный прямо. Потрогайте сами!

Я в порыве коснулась лба мужчины, и тот отреагировал: откинул голову назад, не позволяя тронуть его вновь. Глаза мальчика-лекаря удивленно расширились.

– Он на вас реагирует, – заключил тот с изумлением. – Его же по надобностям водят, обтирают. По несколько раз в день то сажают, то укладывают, а никакой реакции. А вы... попробуйте еще раз.

– Что попробовать?

– Ну, схватите его или ещё что-то такое телесное, – объяснил лекарь, в нетерпении облизнув губы. – Давайте же.

Я сосредоточенно осматривала свою ладонь. Что за бред? Как такое может быть?

Ладно, демон вас побери.

Рукой провела по максимально не интимному месту – предплечью. Пальцы мужчины дрогнули, сцепились в кулак под восхищенное оханье молодого целителя. Взгляд сфокусировался на мне. Кажется, мужчина был недоволен. По крайней мере, губы его исказились, и глаза недобро сузились.

– Лучше отойдите, пока он не среагировал ещё как-нибудь, – посоветовал целитель, и я послушно отступила назад. – Невозможно! Вот это да! Вероятно, между вами связь какая-то образовалась. У него вся аура ходуном пошла, стоило вам прикоснуться. Он только с вами и выходит из своего состояния! Я должен срочно рассказать остальным!

– Может быть, нужно сделать что-то ещё?

Парень вновь поводил рукой и заключил:

– Давайте не будем торопиться. Мало ли переусердствуем. Мы совместно с другими лекарями решим, как быть, и постараемся привести его в чувство.

Пожалуйста, приходите завтра.

Я позволила себе сдержанную улыбку. Обязательно приду. Это хорошо. Что-то поменяется. Если придется, я готова дневать и ночевать в лечебнице, только бы привести этого человека в чувство.

У него же семья должна быть. Родители.

Кто-то, наверное, ждет его дома, не находя себе места от незнания, пока он тут... совсем один...

Пусть его судят за попытку прибить одну недалекую девицу, но я постараюсь оправдать. Скажу, что это была попытка защититься. Про заклинание на диадеме расскажу. На реакцию, которая за этим последовала и чуть не утопила нас обоих в стихийной пляске.

Мелочи, если вдуматься. Главное – выживет.

У меня даже настроение поднялось впервые за долгое время. Я наивно поверила в чудо, в возможность помочь. Спасти его. Ведь если не верить, то и жить незачем.

Меня часто ругали за легкомыслие. За то, как запросто мне дается вера в лучшее.

Уж какая уродилась. Не могу везде видеть врагов. Даже в убийце своем стараюсь рассмотреть хорошее. Неспроста же он реагирует на мои касания.

Всё имеет какой-то смысл.

В качестве извинения я купила Греггу набор ягодных пирожных. Не надо было на него срываться. Он мне ничего плохого не сделал, наоборот – поддерживал по мере возможностей.

– Привет, – постучалась в дверь его спальни, аккуратно заглянула внутрь.

Грегг сидел за рабочим столом. На стене был прилеплен мой набросок диадемы, с которым парень периодически сверялся и что-то помечал на нем карандашом. Зарывшись с головой в какой-то справочник, он потерялся для мира живых. Даже не услышал, как я вошла.

- Эй! - потормошила его за плечо. - Ты вообще на работу ходил?

- Ходил... кажется... - неуверенно отозвался Грегг. - А какой сегодня день?

- М-да, а ещё что-то про моё голодание говорит, - цокнула я языком и присела на край кровати. - Что-нибудь нашел про диадему?

Он неоднозначно качнул плечами.

- Что-то похожее носила молодая правительница Ориелла несколько столетий назад. Упоминаний о ней почти не сохранилось, как, впрочем, и государства. Маленькая островная страна полностью сгорела из-за чумы. В одночасье исчезла. Чума косила людей, но не она уничтожила государство. Пишут, что извне приехали воины, подожгли остров. Никого не выпускали, следили, чтобы огонь вылизал земли дочи́ста. Вот, читаю обрывки исследований. В них по крупинке собрана информация. Тебе бы с поисковым отрядом туда отправиться. Думаю, многое бы накопала!

Я поехала. Звучало жутко. Неужели нельзя было воспользоваться магией? Помочь людям? Дать им шанс?

Просто сожгли за ненадобностью...

- Вот её портрет, - Грегг протянул мне тяжелую книгу, открытую на середине. - Похоже?

На меня смотрела молоденькая, совсем юная ещё девушка. Едва ли старше меня самой. Вдумчивая, серьезная. Светлоликая, какая-то невесомая. Голову её венчала схожая диадема. Та же россыпь камней по краю. То же магическое сияние.

Что-то различалось, но незначительно.

Да только не могла диадема из далекой страны оказаться в Забытых шахтах. Кто бы её туда притащил? Каким течением занесло?

– Я ещё покопаюсь, надо понять, какая магия использовалась, – в глазах Грегга горело желание разузнать побольше.

– Ты не исправим.

– А ты не обедала, – отбрил он.

– Ну и зачем тебе это? Зачем спасать незнамо кого, ходить сюда, тратить время? – спросил знакомый незнакомец, сидящий на полу, с аппетитом поедая яблоко. – Побеспокойся о себе лучше.

Я огляделась, понимая, что лечебница изменилась. На стенах проступили разводы от дождей, и крыша проломилась посередине комнаты. Через огромную – с мою голову – дыру виднелось звездное небо. Здание словно рассохлось, постарело за ночь.

– Не знаю, какой ты по-настоящему, но во снах очень уж занудный. Тебе двадцать пять лет или восемьдесят, а? – отбрила я, присаживаясь рядом. – Спрашиваю не так, делаю не то. Бу-бу-бу, – передразнила его вечно безразличный тон. – Не нравится, что навещаю? Приди в норму и проваливай из лечебницы.

– Если бы всё было так просто, давно ушел бы. – Мужчина задумчиво уставился на откусанное яблоко. – А что? Тебе неприятны сны с моим участием?

Внезапно он поднялся на ноги – вскочил легко и быстро. Высокий. Сильный. Статный мужчина, который вызывает непонятное мне чувство, которое и описать-то сложно. Во мне всё вибрирует при виде его. Он возвысился надо мной, склонив голову набок. Изучающе так. Заинтересованно. А затем тронул кончиками пальцев мою щеку. Касание вышло почти нежным, долгим.

Оно не вызывало неприязни или смущения.

Я даже не дернулась. Во сне легко быть храброй, потому что знаешь: это всего лишь иллюзия. Чего бояться или стесняться? Своих фантазий?

Ну, хоть одетый, уже спасибо.

– Мне не нравится просыпаться посреди ночи, – призналась честно.

Странно, но сегодня его шрамы не полыхали пламенем, как в прошлые разы. Он выглядел почти здоровым, разве что осунувшееся лицо выдавало следы болезни.

Вон, даже яблоко трескает – добрый знак.

– Ты ведь сама меня вызываешь. Раз за разом тянешь к себе. А сказать ничего не можешь и спросить ничего не хочешь. Ну и зачем?

Мужчина выглянул в окно, за которым распускался первыми лучами рассвет. Пальцы его сжались в кулаки, и взгляд стал таким сосредоточенным, как будто вдалеке виднелись чудовища.

– Отпусти меня, – обернулся ко мне. – Дай мне уйти. Не держи на границе между мирами.

– Что?.. – удивленно начала я, но внезапно солнечный свет затопил комнату, и мой незнакомец исчез.

Лишь напоследок загорелись огнем глубокие шрамы.

Утром я заглянула в гильдию и попросила отложить мой запрос о работе в другом городе. Сейчас нельзя уезжать. Заодно заглянула в ящик с поручениями, но ничего толкового там не обнаружилось. Всё обыденное и скучное. Только парочка незначительных краж, где поисковик нужен для обыска территории. Возьмусь, если совсем припрет безденежье.

К лечебнице я подходила без привычных сомнений. Даже с плохо скрытым самолюбованием. Мне нравилось чувствовать себя нужной и значимой.

Нравилось быть связующим звеном между этим мужчиной и нормальностью.

Разве что не давал покоя вчерашний сон. Странный он какой-то. Насквозь пропитанный болью. И что означали те слова: "Отпусти меня"? Понимаю, что это неправда, но на душе гадко. Что-то в нем неподдельное есть, а оттого особенно жуткое.

- Эй, подождите... Девушка! - окликнул меня кто-то, когда до лечебницы оставался поворот.

Я оглянулась. Хм, молоденький лекарь, ставший почти родным за те дни, что я навещала своего незнакомца. Сегодня же не его смена. Чего он тут забыл? В обычной одежде, встрепанный, лохматый.

- Что вы тут делаете? - удивилась я.

- Вас жду, - бесхитростно ответил целитель. - Поговорить хотел наедине.

- О чем?

Во мне поселилось опасение. Плохо скрытая тревога нарастала с каждым новым нервным жестом парня, с каждым его косым взглядом в сторону здания лечебницы.

- Они отказались разбираться, - невпопад объяснился он, схватив меня под локоток и оттащив в сторонку. - Другие целители, имею в виду. Главные. Сказали: нет времени. В лечебницу пребывают новые больные, их бы излечить, а не силы тратить на какого-то безумца, которому становится лучше в вашем присутствии.

Он недовольно вздохнул. Видимо, пытался уговорить коллег помочь моему мужчине, да только те остались непреклонны. Пальцем пошевелить не захотели.

Но... как же так? Неужели им самим не хочется разгадать загадку? Спасти человека, вытащить его из лап забвения?

- Что будет дальше? - Я стиснула кулаки.

– Его собираются в Дом скорби отправить на днях. Говорят, больше помочь нечем, а занимает целую палату. Да ещё условия особые подавай, корми с ложечки. Недовольны, короче говоря, – быстро-быстро тараторил целитель.

– Должны быть какие-то решения!

Я ухватила паренька за рукав куртки, с надеждой заглянула в глаза. Ну же! Нельзя это так просто оставить! Не сейчас!

– Какие именно? В Дом скорби не отправлять? – кивнула, и лекарь продолжил: – Сами подумайте, как мы это провернем? У человека нет ни дома, ни имени, ни документов. Такого быть не должно. Был бы несвободным – вернули бы на невольничий рынок. А так прямая дорога к церковникам.

В висках стучало дурное предчувствие, кипят кровь, наполняя легкие стылым страхом.

– Неправильно это, – заключил паренек. – Я клятву приносил богине-целительнице, я помогать обещал больным. А получается, что едва живого человека на смерть обрекают, а я бессилен. Знаете, он мне интересен по-человечески. Шрамы загадочные, да и сам по себе. Вижу, необычная судьба. Разгадать бы её, а не отдавать на растерзание. Вы сами понимаете, не выжить такому в Доме скорби.

Понимаю. Прекрасно понимаю. Каждой клеточкой тела, каждой мышцей, каждой частичкой себя.

Во рту пересохло, и билась единственная мысль: как быть... как быть...

– А если я буду приходить, тормозить его, ну... чтобы поскорее очнулся?

– Поможет ли? – парень поморщился. – Выздоровление может затянуться. Одно дело – пальцами пошевелить, а другое – в чувство прийти. У нас нет времени. Я видел бумаги о переводе в Дом скорби. Всё решено.

– Бесы!

Может быть, написать маме, попросить её о помощи? Она подключит свои связи, и мы вытащим этого мужчину на волю.

Да только что я ей скажу? Как объяснюсь, зачем мне нужен тот, который чуть нас обоих не погубил? Она первая отговорит меня лезть незнамо к кому, ещё и насильно увезет домой. Скажет, что дочь её совсем тронулась рассудком от своей поисковой деятельности.

Да и пока весточка до неё долетит, пока обратный ответ воротится – недели минуют. Не вариант.

– Я тут всё думал. Есть один способ, – тише заговорил парень, словно нас кто-то мог услышать. – Но вам он не подойдет.

– Какой?

– Вы могли бы забрать его своим рабом

Чего? Я непонимающе уставилась на лекаря, и тот засмутился, затеребил завязки на горловине рубашки, начал перебирать пуговицы.

– В смысле? – спросила напряженно. – Мне не нужен раб.

Что с ним делать? Куда девать?

– Дело не в том, нужен он вам или не нужен! – паренек топнул ногой. – Вы его спасете от плахи, считайте. Он не будет подчинен церковникам – только вам одной. Зато у него имя появится, документы какие-никакие. Отпустите с миром, напишете расписку о свободе перемещения, если он на ноги встанет. Вам же не безразличен он? Иначе бы не ходили к нему? Впрочем, о чем я говорю, – он потряс волосами, словно насильно заставляя себя одуматься. – Нет у вас денег на покупку раба.

Угу, вообще нет. Я же в курсе, сколько рабы стоят. Там суммы заоблачные. Не всякому зажиточному горожанину по карману. Особенно в Хорхелле, где богатеев можно по пальцам одной руки пересчитать.

Да и что это за метод такой освобождения: взять в рабство? Идиотизм.

А если он никогда не очухается, то что? Положить свою жизнь ради его исцеления? Или самой сдать церковникам? Или маме отправить?

Все варианты неправильные. Дикие какие-то.

Сестре однажды пришлось взять невольника, иначе бы она не прошла обряд посвящения в боевые маги. Им повезло – и Алисе, и Стъену, её рабу, – они смогли разглядеть друг в друге нечто большее. Остались вместе, и долгие годы я дивилась тому, как сестра обрела счастье по чистой случайности.

Но это ведь один случай из миллиона!

Десять лет прошло с того дня. Подобных историй больше не слышала.

А тут...

Может, это и спасет человека от Дома скорби, но...

– Может, кому из ваших знакомых раб требуется? – поинтересовался парень. – Думаю, главный лекарь особо торговаться не будет. Дадите выше, чем церковники – он и подмахнет бумаги. Счет на дни пошел. Только он попадет в Дом скорби – никакими клещами не вытащите. Им каждая голова – лишние деньги от государства. Они за любого почти мертвеца хвататься готовы, так и вытягивают тех из лечебниц, только б золотую монету получить.

Я обернулась к серому зданию лечебницы. Вгляделась в окна узенькие, в крышу прохудившуюся. Не выдержит, надломится скоро. Совсем как в моем сне.

– Я подумаю, – сказала, опустив взгляд, разглядывая запыленные носы ботинок лекаря.

Он и сам небогат. Почти беден. Штаны залатаны на коленях, а рубашка совсем истерлась в локтях. Один бедняк предлагает другому купить раба. Да уж.

– Не медлите только. Документы об отправке в Дом скорби уже подготовлены, счет идет на дни, – повторил он невесело. – Если хоть кто-нибудь есть, кому раб необходим – дайте знать.

Я кивнула и пошла в противоположную от лечебницы сторону. Мысли роились в голове жирными мухами, совсем позабылось, куда я изначально направлялась. Да и тошно стало от мысли, что вот я войду в крохотную палату, вот посмотрю на человека, у которого нет будущего. Зная, что никогда не позволю себе выкупить его.

Среди моих знакомых тоже нет людей, которые могли бы себе позволить личного раба.

Ну и что мне делать? Последнее исподнее отдать?

Бесы.

Бесы!

БЕСЫ!

Безветренно и сухо. Та самая шахта, из которой я бежала – или правильнее сказать «уплыла»? – сейчас казалась новенькой, только выбитой в камне. По левую сторону туннеля полыхало магическое пламя, заключенное в факелы. Дорога вела меня вперед, без возможности свернуть.

Я остановилась напротив реки, что пересекала пещеру надвое. Вода безмолвствовала и была так чиста, что проглядывалось дно. Понизу сбились в стайки рыбешки. Протяни руку – коснешься. Я так засмотрелась, что не сразу заметила: за спиной кто-то есть.

Резкий поворот, и я оказалась нос к носу с безымянным мужчиной. Точнее – носом к его груди, широкой, мощной. Практически впечаталась в ту и с трудом отвела взор от шрамов в форме треугольников чуть ниже ключиц.

– Тебя скоро отправят в Дом скорби, – сказала, чувствуя, что должна объясниться. – С этим ничего нельзя будет поделать, если ты сейчас не очухаешься. Молчи! – взмахнула руками, понимая, что он может разрушить мою откровенность своей язвительностью. – Понимаешь, ты должен прийти в сознание? Вспомнить кого-нибудь из близких, чтобы им направили запрос. Понимаешь, нет? Иначе ничего не поделаешь. Я тебе жизнь задолжала, ты же меня спас. Не могу перестать думать об этом.

Он покачал головой, но не стал спорить. Только желваки напряглись сильнее на щеках, и в глазах притаилась тьма.

– Мне предлагали тебя купить, но... я так не могу. – Отвернулась, обхватив плечи ладонями. – У меня нет денег. Вообще. Пожалуйста, если ты меня слышишь... там... в реальности... Приди в себя!

Мужчина сделал ещё один шаг вперед. Дыхание, горячее, прерывистое, шумело над ухом. Мне не было страшно от этой близости – во сне вообще размыты все чувства, – и хотелось подольше просто стоять. Не думая о губительном будущем. Наслаждаясь странным единением с тем, кого знала только по кошмарам.

Мой компаньон ничего не говорил, и сон продолжался. Я рассматривала своды пещеры, снующих меж камней рыбех. Красиво. Тот берег покрыт дымкой, и очертания его смыты.

Внезапно на дне я разглядела диадему, скрытую песком. Золотистое свечение преломлялось через воду.

Совсем близко к нам.

Можно ступить в воду и ухватить её.

Хм...

– Не смей! – рыкнул мужчина, обхватив меня за талию обеими руками, вжав в себя так сильно, что сбилось дыхание.

Стук его сердца – бешеный, дикий – потонул в оглушительном треске огня. Меня обожгло через одежду, жаркая волна прокатилась по позвоночнику. Мужские пальцы на животе сжались сильнее, и нас обоих накрыл огонь.

Я вновь проснулась на сбитых простынях, задыхаясь, захлебываясь болью.

Да что за напасть?

Следующие полчаса я стояла в душе, и струи воды били по оголенной коже, которую – казалось – до сих пор жгло дикое пламя. Магический водопровод – лучшее, что придумало человечество, клянусь. Не представляю, как совсем недавно люди купались в бадьях, которые сначала заполняли, затем сливали. Да ещё воду нагрей, бррр.

Теперь же всё просто. Встал, ручку поднял – мойся, сколько вздумаешь.

За такими глупыми мыслями я отвлекалась от того, что по-настоящему взгрызалось в сердце. Холодило затылок. Испепеляло изнутри.

Мои сновидения становились всё более живыми, и это пугало.

Пальцы на бедрах... руки, прижимающие меня к себе... долгий вздох и короткий выдох... голос, которому невозможно не подчиниться...

Соседа по квартире уже не было – смотался с утра пораньше на работу. Поэтому завтракала я в гордом одиночестве. Запивала вчерашний хлеб пустой водой, катая в памяти воспоминания.

Нужно с кем-нибудь пообщаться. Срочно. Пока окончательно не загнала себя в самокопательную бездну.

По оживленным с утра улочкам, лавируя между горожан, из центра города на его окраину.

– Здравствуйте, – улыбнулась я ювелирных дел мастеру Тревонну, который натирал до блеска витрину с зачарованными драгоценностями.

– Приветствую, егоза. К мальцу моему неразумному? – дождался моего кивка, усмехнулся в усы. – Ну, оно дело молодое. Беги.

Грегг сидел, скрючившись в три погибели, за рабочим столом. Его комнатенка в мастерской была маленькой и лишенной света, заваленной непригодными безделицами. Он колупался в каком-то кулоне зачарованной отверткой, и нити энергии отделялись от золота.

– Привет! – сунулась ему под руку, чем напугала до полусмерти.

Парень отскочил, едва не уронив себя вместе со стулом.

– Предупреждать надо! – ахнул он. – Ты чего спозаранку явилась?

– Мне нужно посоветоваться. – Я плюхнулась на исписанную кипу листов, перевязанную веревкой. – Только обещаю выслушать.

Грегг не проронил ни слова, пока я, захлебываясь переживаниями, рассказывала о мужчине «своем» и обо снах дурацких, которые совесть бередают.

– Не должна я ему ничего, сама понимаю. Мы квиты. Но... он ведь меня спас. Я так не могу.

– С чего ты взяла, что тебя кто-то спасал? – Грегг уронил щеку на выставленный кулак.

– Он мог меня придушить, но почему-то передумал и ступил в воду сам. Его бы течением смыло, а я бы ушла. Теперь он во снах преследует, будто бы говорит: я тебе помог, настало время платить по счетам.

– Смотри, Олли. – Грегг схватился за лист бумаги, расчертил его на две части. – Он тебя не удушил и собой пожертвовал, так?

Мотнула головой утвердительно, и сосед вписал это на правую половину листа.

– А ты его из воды вытащила, на себе до города тащила, в лечебницу сдала, обвинений толком не предъявила, яблоки вон таскаешь. – На левой стороне появилось пять пунктов в пользу моей «доброты». – С чего ты ещё выкупать кого-то должна? На какие шиши? Ты подпольная богачиха, не иначе?

Зарделась, стараясь не выдавать стеснения. Грегг не знал о происхождении моего рода. Я никогда не рассказывала ему про имение в самом центре столицы, про десяток слуг и фамилию, известную даже правителю.

Для всех в Хорхелле я была Олли Трозз, двадцатилетней выпускницей гимназии, которая перебивается мелкими заработками, снимает квартирку на окраине и не позволяет себе шиковать.

– Деньги всегда можно найти, – сглотнула острый ком, забивший горло. – В долги влезу или впишусь в какую-нибудь сомнительную авантюру. Нам иногда предлагают незаконно расчертить карты, к примеру. Землю увеличить кому-нибудь. Немного мухлеза, и наберется приличная сумма.

– За это и выпороть могут прилюдно, – буркнул соседка.

– Ерунда, если оно того стоит.

– Думаешь, стоит? Нельзя быть такой доброй, Олли. Ты же догадываешься, сколько бродяг добровольно сдает себя в Дома скорби?

– Именно! Добровольно. Они сами подписывают контракт, сами обрекают себя на жизнь в Доме. А он... он же даже не двигается... не реагирует... сказать ничего не может... это же несправедливо.

– Хорошо, заберешь ты его себе. И что будешь делать с человеком, который сам даже не двигается?

– Его можно вылечить, я уверена.

На лице парня отразилась эмоция, которую можно было перевести как: «Какая же ты идиотка легковерная. Кто-то щенят подбирает, а ты мужиков непонятных».

– Поступай как знаешь, – покачал головой Грегг, вновь утыкаясь в кулон.

Что ж, ответ лежал на поверхности.

Коридоры лечебницы были заполнены людьми. Они сидели на полу, лежали на собственных одежках, тянули руки к проходящим врачам. Внешне люди были полностью здоровы, но в глазах их застыл страх. Мимо пронеслась совсем ещё молоденькая девушка-целитель, повторяя:

– Секундочку... одну секундочку...

Только-только выпустилась, по лицу видно, по глазам ошарашенным. Она убежала куда-то, даже не пытаясь выслушать жалобы.

Я направилась напрямик к главному врачу, мысленно продумывая возможный диалог. Надо верить в лучшее. Всё получится.

Получится ведь?..

Сердце предательски ёкнуло.

– Разрешите? – постучалась в дверь.

Седовласый мужчина в светлом целительском одеянии, напоминающем халат до пят, подслеповато сощурился, посмотрев на меня. Он был сгорблен и худощав, ресницы его выцвели, и брови слились по цвету с кожей. Лицо – словно вылепленная восковая маска. Ни единой эмоции.

– Вам назначено?

– Я по поводу мужчины, который содержится у вас.

– Какого? Дорогуша, у нас тут этих мужчин – выбирай любого, – поджал губы.

– Его привезли из заброшенных шахт, он...

– А-а-а, этот. Можете не продолжать. – Старик махнул рукой. – И что вам надобно?

– Я хотела его... выкупить.

Последнее слово далось тяжело. Я густо покраснела, точно просила о чем-то постыдном или запрещенном.

– А некого выкупать, – «обрадовал» глава лечебницы. – Ушел ваш болезный сегодня. Сам поднялся и пошел. Очевидно, сковывающие чары слетели. Он с утра проявлял нормальную активность, посему было решено не затягивать с переездом. Церковники забрали вот только что, минут с двадцать назад. Сами видите, сезонная лихорадка, свободных мест нет.

До меня медленно доходил смысл сказанных слов. Как это, сам поднялся? Сам пошел? Он же не двигался... совсем...

Моё сердце лихорадочно забилось в груди, норовя выскочить наружу, сломать ребра, разорваться на лоскуты.

Не успела.

Не смогла.

Самой малости не хватило.

Если бы не сомневалась, не спрашивала совета у Грегга, не медлила бы, оттягивая момент. Смогла бы выкупить.

А теперь...

Может быть, он вспомнит кого-нибудь из своих родственников, раз смог встать? Имя своё назовет, выторгует себе свободу?

- Идите, дорогуша, - поторопил старик. - Не мешайтесь.

Я вылетела из кабинета словно окупая в чан с кипящей водой. Не соображая, что происходит. Чувствуя только то, что ошиблась. Опоздала. По щекам катились слезы.

На пути мне попался знакомый целитель. Он одной рукой отпихивал плачущую старушку, которая натурально пыталась обхватить его за ноги и тащиться следом; второй же удерживал поднос с целебными каплями.

- Здравствуйте, - я слабо улыбнулась ему.

Парень глянул на меня с сожалением и повторил мою собственную мысль:

- Не успели?

- Угу. Вы видели, как его уводили?

- Видел. Да подождите вы плакать, всё хорошо будет с вашим внучатым племянником! - цыкнул на старушку. - Сказал же, вылечим! Чего вы меня царапаете?!

- Он что-нибудь говорил? Как его зовут или откуда родом?

Отрицательно покачал головой. Я почувствовала, как внутри обрываются струны. Одна за другой. Резко. С мясом.

- Ну, вы хотя бы хотели помочь, - попытался успокоить меня паренек. - Дальше - воля богов.

Если бы богов...

Внешне Дома скорби ничем не отличались от любых других церковных зданий. Обставленные аскетично, блеклые на фоне города, низкие, лишённые окон, они

располагались всегда на окраинах.

Изначально идея была неплохой: дать кров и работу всем страждущим, обеспечить людей минимальными удобствами, очистить улицы от бездомных.

Но когда в добрый замысел вмешивается церковь с политикой, ничего хорошего ждать не приходится. Это папа так говорил.

Оттуда не возвращались. Но всё равно находились те, кому некуда было идти, или те, кто верил в чудо и надеялся переждать в Доме тяжелые дни.

Когда я стояла у ворот, и когда била в колокол, и когда шагала к кабинету управляющего, меня преследовало чужое горе. Страдания наполнили эти места, забили щели смрадом.

С каждым шагом всё сильнее давили сомнения.

Зачем ты туда идешь?

Что ты предложишь взамен?

Тебе могут отказать, и ты ничего не сможешь с этим поделывать. Слабая, глупая девчонка, которая не видит дальше своего носа.

Зачем тебе человек, чьего имени ты даже не знаешь? Из-за нескольких ночных кошмаров? Из-за того, что однажды он тебя чуть не убил и всегда может закончить начатое?

В столичном Доме скорби меня бы послали взащей, ибо там церковники не бедствуют, а порою живут богаче любого аристократа. Но здешний управляющий был бедно одет, и штаны его залатанные намекали: он не откажется от денег.

Только вот денег не было.

Впрочем, мы смогли найти общий язык, и я добилась своего. Получила в рабство мужчину, который две недели назад собирался меня убить...

... Мы стояли друг напротив друга. Темный, яростный взгляд из-под нахмуренных бровей вызывал во мне огонь, испепеляющий изнутри. Сердце заходило от страха, но я не позволяла себе смалодушничать.

Ты же хозяйка, Олли. Тебе негоже прятаться в норке.

– Я...

– Зачем ты меня купила? – выплюнул раздраженно.

Вот и пообщались.

Я впервые слышала звук его голоса. Имею в виду, не в пещерах и не в кошмарах. Наяву. В обычной обстановке. Не верилось, что несколько дней назад этот человек безвольно сидел на полу, уставившись в стену. Сейчас его энергии было столь много, что она окутывала меня целиком, сковывала по рукам и ногам.

– Так получилось, – ответила скупой, чувствуя, как щеки краснеют. – Не думай, я не хочу этого. Но это единственная возможность...

– Возможность чего? – издевательским тоном уточнил мужчина, выпрямившись до хруста в позвонках. – Кто ты такая, что вершишь чужие судьбы? Ты должна была выбраться из шахт, а не тащить меня за собой.

Его руки сжались в кулаки, и голос эхом отдавался в ушах. Он способен убить меня. Переломить как тростинку. Даже сейчас, будучи изнеможенным. Один удар наотмашь, и...

В обычных рабов с детства вбивают покорность. Их учат служить господам, отдавая всего себя. Но этот человек – не раб. Он другой. Сильный. Волевой. Прирожденный воин.

Я соврала управляющему, сказав, что мне необходим страж. Для чего он девчонке-поисковику?

Мы не справимся. Нам не сойтись характерами. Он никогда не покорится какой-то девице. Если не прикончит физически, то задавит эмоционально.

Мне бы рассказать, что я испытывала, как переживала, как просыпалась еженощно в холодном поту. Но разве он услышит? Он зол, рассержен и пышет гневом. Надвинулся на меня, навис грозным коршуном, а я замерла как трусливая мышь.

- Мисс, у вас всё хорошо? - проходящий мимо стражник недобро оглядел моего спутника. - Вам знаком этот раб?

Невольничий ошейник выделялся на коже толстой полоской. Захочешь скрыть - не сумеешь. Очень уж широкий и громоздкий.

- Он принадлежит мне, - хрипло ответила.

"Раб" смерил стражника таким взглядом, что даже я ужаснулась. Непокорным. Оценивающим. Он словно примерялся, нужно ли убивать его или незачем марать руки.

- Мне не нравится его поведение. Встать на колени! - приказал стражник, сглотнув.

Разумеется, мужчина не подчинился. Даже не сдвинулся с места, лишь небрежно скрестил руки на груди.

- Простите, госпожа, я вынужден применить силу. На колени!

Тяжелая дубинка обрушилась промеж лопаток, силой толкая на землю.

Что он творит?! Покалечит же!

Не раздумывая, я кинулась, пытаюсь прикрыть его сверху. Взмах руками, второй удар дубинки тронул меня по касательной, задев плечо. Стражник испуганно выругался.

- С вами всё нормально?..

Помог мне подняться на ноги. А взгляд заискивающий, в котором читается: вы пожалуетесь кому-нибудь?

- Да, - кости вроде целы, а испуг пройдет. - Оставьте нас. Я обещаю сама объяснить своему рабу правила приличия.

Со мной даже не спорили. Стражник уходил очень быстро, не оглядываясь.

Мужчина поднялся. Не сразу, но вновь встал прямо. Причем было видно, что медлит он не из-за боли, а чего-то другого. Бессильной ярости, что ли? Будто готов кинуться, чтобы дать отпор. Но сам сомневается. Медлит.

Я подала ладонь, да только он её не принял.

- Жив?

- Да. Тебя не учили, что лезть под горячую руку - дурная идея?

- Не учили, - обиделась я и хотела добавить, что вообще-то о нем побеспокоилась, но не стала.

Кому нужна моя искренность.

В сотый раз осознала, что зря затеяла это всё. Он же почти что убийца. Он никогда не признается, что произошло в шахтах, почему сохранил мне жизнь. Будет вечно смотреть на меня как на мелкую зарвавшуюся девчонку, которая удумала купить себе человека.

- У тебя идет кровь, - внезапно произнес он.

Совершенно другим тоном.

Ой. Слизнула с уголка рта соленую каплю. Видимо, прокусила. Чувствую, как рассеченная кожа вздувается, как наливается синяком. Секунду назад думала о другом и не замечала, а теперь нижняя губа пульсировала от боли.

– Пстой, – сказал знакомый незнакомец и тронул мою щеку ладонью.

Касание получилось мягким, почти ласковым. Осторожным. Я даже не успела отдернуться или смутиться. По коже прополз морозец, и края раны начали затягиваться миллиметр за миллиметром. Мужчина не сводил с меня заинтересованного взгляда. Молчал.

Не может быть...

Он – настоящий маг?!

Мои глаза округлились от испуга и неверия, а новоприобретенный страж словно нехотя отнял ладонь от моей скулы, ухмыльнулся каким-то своим мыслям.

– Да кто же ты такой? – с испугом.

– Уверена, что хочешь знать?..

Глава 6

Мужчина смотрел куда-то сквозь меня, не пытаясь что-то объяснить. Мы так и стояли посреди улицы. Наверное, нужно идти, иначе опять привлечем ненужное внимание.

– У тебя есть магический дар?

– Ты сама всё видела, – коротко и просто.

Хоть задавай наводящие вопросы, хоть глотку рви, пытаясь допроситься конкретики – не ответит. Так можно молчать ещё очень долго.

– Меня Ольгой звать, а тебя? – подала ладонь, но тотчас отдернулась.

Мама бы убила меня за такие манеры. Настоящая леди и рукопожатие – вещи несовместимые. Настоящая леди и раб-страж – тоже, если вдуматься.

Это еще повезло, что не ляпнула: «Вообще-то все называют меня Олли». Он бы точно не одобрил.

Мужчина на мой жест отреагировал неправильно. Смерил внимательным взглядом, подумал, наверное, что мне противно его касаться.

– Марк, – помедлив. – Впрочем, госпожа вольна называть меня так, как ей вздумается, – клянусь, это было произнесено с ухмылкой.

«Марк», – протянула про себя, попробовала имя на вкус и поняла, какое оно правильное и подходящее этому человеку. Рваное. Резкое. Острое.

– Я не понаслышке знаю, что значит быть рабом и обещаю хранить тебе верность, Ольга, – совсем другим тоном. – Клянусь, что не причиню вреда, если ты сама, конечно, не попросишь.

Прозвучало неоднозначно.

Что я могла на это ответить? Поблагодарить?

Мы шли в сторону дома, и я отгоняла мысли, которые носились в голове, раздражали, мешали сосредоточиться. После короткого знакомства диалог кончился, да и о чем было разговаривать?

Надо с ошейником что-то сделать, вижу же, как он впивается в кожу. Ладно, займусь им чуть позже. Пока бы выяснить, как дальше быть.

Грегг точно не одобрит моего решения. В нашей крошечной квартирке только мужчины не хватало, да ещё такого.

С ужасом осознала: а спать ему где?! Не в моей же односпальной кровати. На полу? Так не по-человечески это.

Олли, ты импульсивная идиотка. Купить человека купила, а что дальше делать – не придумала.

Разгребай теперь.

А ещё он тебя удушит при случае. Как пить дать.

Можно, конечно, снять койку в каком-нибудь бараке за медянку, да только там условия немногим лучше Дома скорби. Разве что не заставляют трудиться до полусмерти.

Куда же его девать? Как поступить?

С другой стороны, постелить можно на кухне. Там есть свободное место. Передвинем обеденный стол из центра ближе к углу, уберем лишние стулья.

Соседа не было, и я начала показывать молчаливому Марку жилище. Он как-то странно рассматривал душ, будто видел в том скрытую угрозу. Но никак не реагировал, и на мои торопливые объяснения не ерничал.

– Как твое самочувствие? Может быть, хочешь отдохнуть? – проявила я заботу, вернувшись на кухню. – Ещё вчера ты вообще не двигался. Даже не верю, что с такой легкостью очнулся.

– Вчера меня здесь не было, – Марк прикрыл веки, будто воспоминания причиняли ему боль. – Лишь оболочка человека, скованного заклятием. Разум жив, но тело ему не подчинялось. Совсем.

– Что это за чары? Почему они разрушились?

Пожал плечами. Врет, наверное. Но допытываться не буду. Захочет – расскажет сам. Когда-нибудь позже.

– Ты что-то чувствовал... ну... пока находился в лечебнице?

– Всё, – и чуть тише, – но сделать ничего не мог. Я бы не отказался помыться в... душе, – с долгой паузой.

– А, да, конечно, – я запунцовела, осознав, что у нас ни одежды запасной нет, ни полотенце, чтобы замотаться ими с ног до головы. – Минутку.

Я излазила весь дом, но так и не нашла чего-то пригодного. А когда вернулась на кухню со своим халатом – хоть что-то, – то застала там полностью обнаженного Марка. Он ждал меня, нетерпеливо постукивая пяткой.

Халат выпал из моих пальцев. Я пискнула что-то нечленораздельное, но зажмуриться не смогла.

– Ты никогда не видела голого мужчину? – любопытствовал он, и глаза его блеснули недобро.

Почему же... видела. Тебя и видела. В очередном ночном кошмаре. До этого тоже видела – тебя же, – когда высушивала после утопления.

– Я могу помыться? Ты не дала мне разрешения.

– Иди!!!

Неоднозначно хмыкнув, мужчина поднял мой халат и вышел из кухни. Вскоре из ванной зажурчала вода, а я кинула вещи нового жильца в бак для стирки и устало рухнула за стол. Веселое нам предстоит сожительство. Он то ли специально надо мной издевается, то ли не понимает, что стянуть портки при девушке – такое себе решение.

Так, пока появилась свободная минута, нужно хорошенько переварить информацию.

Что мне известно про Марка? Ничего. Но он принес мне клятву верности и – скорее всего – не придушит. Надо бы, кстати, выяснить, что произошло при первой нашей встрече.

Расскажет ли? Бес его знает.

Ах да. Он маг. Причем маг сильный. Стоило догадаться, неспроста же бурлила стихия в его присутствии.

Это же сколько в нем силы?..

Так, никому нельзя знать о колдуне без документов, да ещё и невольнике. Первым же делом церковники признают сделку незаконной и заберут его себе.

А ещё он обронил интересную фразу.

Я не понаслышке знаю, что значит быть рабом.

Ему довелось побывать в рабстве? Откуда на нем шрамы-руны? Что они означают?

- Ты чего задумчивая такая, а?

Я подскочила от неожиданности. Грегг подкрался незаметно. Довольный, несущий в руках пакет свежей выпечки. Опять будем наедаться на ночь глядя.

Ни к чему хорошему наше обжорство не приведет.

- Я тут булок набрал на целое полчище. Хе-хе. Как бы вдвоем осилить?

Кстати, про «вдвоем». Сейчас нас ждет тяжелый разговор на тему того, что я не послушалась своего соседа и притащила домой пугающего мужчину, о котором не знаю ровным счетом ничего.

- Грегг...

- Чего?

- Я...

- Да чего ты мнешься аки невинна девица перед первой брачной ночью? - прыснул приятель и отвесил мне легкую оплеуху.

В ту же секунду темная фигура взметнулась из ниоткуда. Одним движением повалив несчастного Грегга на пол, она придавила его горло локтем, застыла над ним вестником скорой смерти. Парень захрипел, задрогался. В глазах его разрастался нешуточный ужас.

- Не. Трогай. Её, - шипел мужчина, надавливая сильнее.

- Ты что делаешь?! - закричала я, набрасываясь на Марка, оттаскивая его в сторону. - Это мой сосед!

Мужчина разом отпустил парня, сделал шаг назад. Он так и не удосужился одеться, и сейчас его нагота казалась почти зловещей.

- Это... это... - забормотал Грегг, потирая красную шею. - Что он... кто он... откуда он...

- Его зовут Марк. Тот самый, который... - помедлила с характеристикой, но так и не нашлась, как продолжить. - Я выкупила его у Дома скорби.

- Твой Марк совсем ненормальный? - поинтересовался сосед, отступив на безопасное расстояние. - Он бы меня прикончил как полудохлую курицу.

- Ты ударил мою госпожу, - каменным тоном, и последнее слово сейчас звучало жутковато.

- Да он же пошутил, - вклинилась я. - Это же не всерьез!

- Я не понимаю шуток, - выплюнул Марк и скрылся в коридоре, оставив нас созерцать друг друга с почти паническим ужасом.

Зато не пришлось объясняться.

Меня отчитывали минут двадцать без остановки. Распекали и так, и этак, называли всякими неприличными словами. Периодически Грегг осматривался по

сторонам – мы вышли на малюсенький задний двор, – опасаясь, что каратель в лице Марка настигнет его вновь.

– Ты хоть понимаешь, что натворила? – злился парень. – Притащила в наш дом какого-то потрошителя, да ещё предварительно упекла его в рабство. Чтоб наверняка нас прикончил, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/novikova_tat-yana/strazh-dlya-nevezuchey-ledi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)